

НАТАЛЬЯ БАЛЫНСКАЯ

История одного интервью...

(По результатам интервью с Александром Леонтьевичем Паукиным (1929–2009), кандидатом педагогических наук, преподавателем МГТУ, заслуженным работником культуры РСФСР, награжденным двумя орденами «Знак Почета» и пятью медалями).

*Острым жалом, внезапной разлукой
Жаркий полдень тебя захлестнул.
Он лишь руки к тебе протянул –
Поняла: война пришла мýкой.*

*Вам вдвоем быть всего до утра,
Все обиды, грехи все прощаешь,
Ком за комом соленый глотаешь
И боишься услышать: «Пора...»*

*Дом пустеет, косится сарай,
Облупилась вон раскраса с забора...
Ветер воет: вернется нескоро...
Плачет дождь: не придет, забывай...*

*Утекают тревожные дни,
Письма дом стороною обходят.
Видно, к Богу мольбы не доходят:
Ты и страх – в целом мире одни.*

*Как – не помнишь: от станции той
Через снег до больницы бежала.
Весь в бинтах, но ты сразу узнала –
Это он! Снова рядом с тобой!*

*И... ты фронту его отдала,
Мир в слезах задрожал и разбился.
Поезд в легком тумане расплылся.
Эта встреча: была? Не была?*

*Заливает лучами весна,
А под сердцем твоим – жизнь стучится,
С вами большие беды не случится,
Он – в тебе, ты теперь не одна...*

*Почтальон не решилась стучать –
Колыбельную слышно в окошко...
Подождать бы еще хоть немножко,
Прежде чем похоронку отдать...*

*Много лет, как вода, утекли.
Вот со станции внуков встречаешь,
Но как слышишь гулбк – замираешь:
Может, там его поезд вдали?..*

Фотографический гимн Магнитке

*С забытых фото память плед снимает...
Где выцветших улыбок желтизна,
Живет мой город, дышит, понимает,
И там, на фото, – ранняя весна!*

*Магнитка – судьб странное сплетенье,
Наш подвиг, гордость, радость, труд, успех!
В любви к тебе – источник вдохновенья!
Своя – для каждого! И общая – для всех!*

*И ты грустишь... Ночное злится небо.
Глазницы окон плачут под дождем.
А я от счастья задыхаюсь! Мне бы
С тобой, мой город, говорить вдвоем!*

*Я в фотографиях тебя перелистаю,
В стихах и песнях воюноу твоей свет!
Дышу с тобой! Живу тобой и знаю,
Что лучше города на этом свете нет!*

БОРИС КИРИЛЛОВ

Учитель

Памяти Ивана Ромазана

*Солнце в окошко светит
ярко, как отблеск стали,
дымящегося металла
в печах мареновских светлых.
Я вспоминаю лето
семидесятого года,
когда пошел в непогоду
к печам мартеновским этим.
Кончалась шестая плавка,
пора выпускать и эту,
окошко мартеновки светит,
как лампа настольная, ярко,
что на мгновенье прищурил
глаза от сильного света,
я вспоминаю лето,
учителя дядо Шуру.
Спросите: почему
учителя первого вспомнил,
веселого вспомни дома,
на отдыхе, в теплом Крыму?
Как рад был он нашей встрече,
весь вечер рассказывал что-то,
что шея покрылась потом,
дрожали тяжелые плечи.
Море вдали, как улей,
шумело, все с ветром спора,
не зная я, что вскоре горе
сердце пронзит, как пуля...
– Смерть подкосила внезапно,
несправедливо, вдруг,
диагноз – сердечный приступ...
Мы не включали лампы,
так и сидели во тьме,
шепотом говорили,
тяжостно было мне.
Бывая в Магнитогорске,
я прихожу сюда
к милой до боли всегда
к мошке его на пригорке.
В руках золотистый ландыш,
цветы голубые, как дым,
сизжу подолгу один,
советуюсь с ним, как раньше.
А он с фотографии малой
смотрит, словно живой,
учитель мой дорогой,
вот и тебя не стало.
Ровно свечи горят
над ним дорогим и спящим.
Сквозь летний день уходящий
сталью алеет закат.*

ПАМЯТЬ

| Педагог, музыкант и литератор Эвальд Риб оставил глубокий след в истории культуры нашего города

«Быстро годы-журавли улетают...»

2 января будет 10 лет, как перестало звучать живое слово Эвальда Карловича Риб.

У этого человека не было высоких регалий кандидата наук или члена союза писателей, но многие помнят его, как вдохновенного педагога-музыканта и неустанного просветителя.

В его литературном наследстве публикации в периодической печати, пять изданных книг – «Капли весны», «Радуга жизни», «Анинские лебеди», «Есть большая Родина любви», «Разбуженная скрипка». Двадцать песен на слова Риб написаны уральскими композиторами-песенниками – Иваном Шутовым, Виктором Васильевичем, Александром Мордуковичем, Александром Гардашниковым.

ЭВАЛЬД РИБ

«Я в вас верю»

Когда-то в меня, 25-летнего парня, поверил коллектив музыкального училища и, в частности, педагог Феликс Яковлевич Форшток. Надежда Михайловна Амнуэль, Тамилла Петровна Яес, Инна Георгиевна Кондратовская. Но начало было плачевным.

– Да будь вы хоть Паганини, – сказал директор музыкального училища, к которому я обратился. – Все равно не приму, пока не научитесь грамотно писать.
– Война помешала, – ответил я, – мне ведь уже...
– Я все сказал! – отрубил директор, не поднимая глаз от бумаг.

Я вышел из кабинета и впервые почувствовал: скрипка потяжелела после экзаменов. Я на глазах у всех хоронил мечту и даже решил не возвращаться

в кинотеатр, где несколько лет играл в оркестре. Меня за руку взяла Серафима Борисовна Факторович, концертмейстер первых скрипок Челябинского симфонического оркестра:

– Вы гораздо сильнее, чем себя показываете. Идемте заниматься. Завтра поедете в Магнитогорск. Там вас ждут. Я заказала билет.
Город металлургов встретил меня восходом солнца, осветившим заводские трубы и дымны. Училище я нашел без труда. В тесной канцелярии женщина спросила:
– Вы работает?
– Нет, поступать.
– Опоздали. Но я узнаю у директора. Из кабинета вышел невеселый человек. Лоб открытый, глаза карие, внимательные, добрые. Я обрадовался: это был дирижер Магнитогорской Государственной капеллы Семен Григорьевич Эйдинов.

– Вы из Копейска? – спросил он.
– Мне о вас говорили. Нам скрипачи нужны. Получите у завхоза раскладушку и постель.
Я даже «спасибо» проглотил от радости.
На следующее утро узнал: в училище нет педагога-скрипача. Со мной начала заниматься концертмейстер Ия Борисовна Пашина. Она переживала за каждый мой экзамен. У меня – неудовлетворительная оценка за дирижирование. Несмело отправляюсь к директору. А он, не дав мне собраться с мыслями, сказал:
– Берем вас кандидатом... на полгода.

Прошло 43 года, но слова «я в вас верю» помогли, помогают и будут мне помогать...

*Мы идем, а над нами паренье
Низких облачных пасмурных стай,
И повсюду погода осенняя,
Лишь в глазах наших светится май!*

Осенняя песня

*Знаю, что уходит лето,
Вижу грусть в твоих глазах,
Слышу: тихо-тихо где-то
Туча плачет в небесах.
Как тебя спугнула осень
И ветров печальный свист!
Клен тебе в ладони бросил
Золотой прощальный лист.*

Педагогические этюды

1.
У Саши была мудрая и ласковая баба Дуня, умевшая петь и подплясывать даже в преклонные годы. Все ее любили, все почитали. Рослая, худенькая, с руками, почерневшими от работы, и подвижным лицом, не утратившим следов былой красоты, она каждого привлекала широкой улыбкой – и без хлопот не сидела ни минуты, и спеть никогда не отказывалась. И деревенские задушевные песни, и «матанечки», и «улошные» страдания, и частушки выводила она тоненьким голоском, по-своему. А ей умело вторили дочери, создавая в застоях семейный ансамбль. Баба Дуня, бывало, вполборота к гостям, согнет руки наподобие скрипачки, а ребром правой ладони запиликает, да с притопом и быстрым приговором: «Дудик-дудик, дудик-дудик!» И оркестра не надо, ноги сами пускаются в пляс!

Так пришла музыкальность к Саше. Но учиться отдали младшего, Толю, выдержавшего большой конкурс в музыкальную школу. Мама, Любовь Ивановна, часто после работы спрашивала:

– Толик, ты занимался? Как дела в музыкальной?
– Гаммы гоняем!..

Однажды вечером братья легли спать. Саша наблюдал, как промокший клен до глубокой ночи метался за окном, словно звал кого-то на помощь. Толик поднял голову:

– Сашка, не спишь?.. Поговорить надо!..

Мальчик прижался к старшему брату и сказал:

– Я больше в музыкалку не пойду! Мне надоело гаммы гонять.
– Ты с ума сошел! – приподнялся Саша. – Другие ребята мечтают заниматься музыкой. Вот я хочу играть на фортепьяно, а купить не можем, денег нет. И мне уже 14 лет, не примут. Вспомни, какой конкурс был, а ты – «музыкалка», «гаммы гонять». Эх, балда!

– Выручи, Сашка! За меня поучись! Только уговор, чтобы родители не знали!

– Хочешь не хочешь, – ответил, – а придется пойти. Мама уже деньги заплатила за весь месяц.
Весной Любовь Ивановна зашла в школу и спросила у педагога:
– Виктор Ильич! Извините, что долго не заходила. Знаете, работа бухгалтера состоит из одних отчетов. Мой Толик успевае?

А тот внезапно огорошил:
– Он уже полгода не учится.
– Как так не учится? Задолженности вроде у нас нет. И насчет успеваемости замечаний не было.

– Все правильно. С успехами в порядке. Саша всех догнал.
– Почему... Саша?
– Так ведь он вместо Толи занимается. Я им очень доволен.

Анатолий, кстати, тоже закончил училище, институт имени Гнесиных и успешно руководит капеллой в одном из крупных промышленных городов. А брат его – Александр Никитин – работает очень много, всегда учится, готовит программы. И жемчужина одной из концертных программ – песня «Кукушка», записанная с голоса бабы Дуни...

Сосны

*В горах, при первой встрече
Заводил слезка,
Что сосны вдруг на плечи
Взяли облака.
Гляжу: они уносят
Куда-то второпях
Заплаканную осень
На жилистых руках.*

Мой край родной

*Мой край родной,
где лес одет неброско
И тополям бывает не до сна,*

2.
Присмотритесь внимательней к людям, увлеченно и щедро отдающим свой талант детям! Они трудятся в заводских Дворцах и сельских клубах, музыкальных школах и детских садах, их можно встретить среди молодежных активистов и ветеранов. У них можно многому научиться. А пример служению искусству и детям заразителен.

В Магнитогорске таким примером для меня стал основатель и бессменный директор музыкального училища имени М. Глинки, народный артист РСФСР, художественный руководитель и главный дирижер Государственной хоровой капеллы Семен Григорьевич Эйдинов. По его инициативе артисты и дирижеры хоровой капеллы решили добиться, чтобы все школьники города стали понимающими и любящими музыку слушателями. Их беседы-концерты – это подлинные уроки радости! Об уроке дирижера Александра Васильевича Никитина я и хочу рассказать.

Открывая детям тайны музыки, он сам как бы удивляется этим открытиям, высоко поднимая брови. Приглашая вслушаться, сам слушает и восхищается вместе с ребятами.

Александр Васильевич выходит на сцену:

– Все вы, ребята, видели картину художника Васнецова «Богатыри». Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович – любимые герои русских былин. Это могучие богатыри, охраняющие русскую землю от врагов.

Александр Васильевич садится за рояль и играет величественное, широкое начало «Богатырской» симфонии Бородина. Потом спрашивает, о чем рассказывает эта музыка. В зале вырастает лес ребячьих рук. Девочка со второго ряда отвечает:

– В музыке я слышу силу богатырей. А мальчик пытается даже обобщить: – Музыка передает и характер нашего народа.

– Верно! А сейчас сыграю эту же тему на высоких звуках. Слышите? В кого превратились могучие богатыри?..

– В карликов! – смеются школьники. – Они маленькие, хилые.

В зале оживление. Дирижер обращается к ребятам:

– Устали?

– Нет, нет, нет! — дружно отвечают второклассники. Беседа продолжается.

– Итак, — говорит Никитин, — вы убедились, что все зависит от тембра. А тембр, это «краски», при помощи которых композитор создает музыкальный образ...

В конце урока музыки Александр Васильевич говорит:

– Посмотрим, какой класс самый дисциплинированный и культурный.

Стараясь не подвести себя, товарищей, учителей, школьники бесшумно выходят...

Во дворе я разговорился с одним мальчуганом.

– Раньше я под музыку читал, решал задачи, а теперь не могу, – сказал он. – Хочу поступить в музыкальную школу, только боюсь – не примут. Хотел бы стать дирижером, как Александр Васильевич!...☺

*По вечерам красавицы-березки
Мячом луны играют допоздна.*

*Мой край родной, где в полушалках
звездных*

*Глядятся ивы в зеркало реки,
Тропинкой горной вьвьсь уходят сосны
И плещут в ветках солнца родники.*

*Мой край родной, где трубы –
не зенитки*

*Спокойно в небо мирное глядят.
На трудовом посту стоит*

*Магнитка,
Как на посту своем стоит солдат!*

РАССКАЗЫ ДЕТЯМ

ЛАРИСА УТОЧКИНА

Коррида

Удивительное время – летние каникулы в деревне.
– Чем отличается сено от соломы? – спросила я брата, когда мы дружно шли на речку.
– Сено – скошенная трава, оно мягкое, его едят травоядные животные. А солома – это скошенная пшеница. Из колосков делают муку, а солому стелют на пол, чтобы животным было тепло. От скошенной пшеницы на полях остаются маленькие колечкие печенки – жнивье, – с важным видом растолковал брат Валера. – Ясно?

– Ясно.
– Все-то тебе объяснять надо, салага, – снисходительно произнес он.
– Я не салага, просто младшая сестра, – тихонечко возразила я.

Погода была чудесная. Ярко светило солнышко, дул легкий ветерок. Воздух дурманил пряным ароматом трав.

С речки возвращались через поле. На зеленом пригорке, в высокой траве, на цепи возлежал огромный огненно-рыжий бык. Ржавое железное кольцо проде-ло через ноздри. К кольцу крепилась огромная цепь. Устрашающие торчали мощные кривые рога. Бык мирно жевал траву.

– Смотри, салага, сейчас я буду дрессировать его. Брат, крадучись, подошел к нему. Бык покосился. Брат отошел подальше и бросил в животное комочек земли, еще один. Реакции не последовало. Вырвал с корнем верблюжько колочку и сунул быку в морду. Тот

продолжал невозмутимо жевать. Тогда Валера заскакал перед ним, размахивая красной футболкой.
– Смотри, я тореадор! Я покажу тебе корриду! Бык искоса взглянул и, как от назойливой мухи, отмахнулся хвостом. Брату надоело бесплодное занятие. Он надел футболку, отвернулся, наклонился и стал зашнуровывать кроссовки. Вот тут и началось самое интересное: бык молча пошел на обидчика.
– Беретись! – только и успела я крикнуть брату. Он оглянулся и увидел возле себя огромную рыжую морду. Свалился на четвереньки и, не оглядываясь, рванул по недавню скошенной полю. Бык бежал, пока цепь не натянулась. Затем громко взревел от боли в носу и остановился.
Услышав страшный рев, брат вскочил на ноги и помчался еще быстрее. Напрасно я кричала: «Остановись!» В конце поля Валерка притормозил. Я подбежала. Он показал ладошки в крови.
– Значит, здесь росла пшеница, – догадалась я, – и ты бежал по жнивью.
– Не умничай, салага, – сквозь зубы процедил он.
– Не будешь дразнить, – тихо сказала я. – А кто такой тореадор и что такое коррида?

Нолик

Учительница объясняла детям, что такое «ноль», прикрепив на магнитную доску фигурки симпатичных собачек.

– Было пять собачек. Убежало пять. Она убрала фигурки.
– Сколько собачек осталось?
– Нисколько, – ответили дети.
– Верно, нисколько. То есть ноль.
Она показала яркие фигурки снегирей:

– На ветке сидели птички. Птички улетели. Сколько их осталось на дереве?
– Нисколько, ноль, – дружно ответили дети.
– Как это нисколько? – возмутился Гера. – Все остались: и собачки, и птички. Вы их просто в конверт убрали и в стол засунулькиали.
– Верно, Гера. Но на доске же нисколько не осталось. Значит – ноль.
– Все осталось у вас, – не унимался мальчик.
Дети приводили свои примеры с ответом «ноль» и записывали их в тетрадь, а Гера никак не мог понять, что такое ноль.

– Смотрите, дети, здесь столько конфет, сколько вас в классе.

Тогда Лариса Алексеевна достала из сумки кулек ирисок.

Она раздала сласти. Дети с удовольствием все умяли. Учительница показала пустой кулек.

– Пусто: ничего нет – ноль.
– Как это ноль? Осталась одна ириска.– упрямо сказал Гера.
– Поясни.

– Осталась конфетка в моем желудке, – довольно поглаживая животик, выдал мальчуган.

Ларисе Алексеевне пришлось идти на крайние меры. У нее на столе лежала маленькая шоколадка.

– Гера, что это?
– Шоколадка.
– Наверное, очень вкусная. Хочешь?
– Конечно.

Лариса Алексеевна развернула шоколадку и... съела. Класс расхохотался, а у Геры слезы брызнули из глаз. Зато, как и у всех ребят, у него в итоге получился «нолик».